

Письмо 22

*Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы,
Шпагу для дуэли, меч для битвы,
Каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе
Выбираю тоже, как умею,
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает по себе.
Юрий Левитанский*

Иногда последствия выбора непредсказуемы, и, казалось бы, очевидная целесообразность оборачивается таким тупиковым разочарованием, что вся жизнь насмарку. Явление типичное, взять хотя бы служение коммунистическим идеалам, Сталину, Гитлеру и т.п. Еще раз напомним мой критерий принятия решений: «Принятое решение должно обеспечивать возможность принятия оптимального решения при изменении ситуации».

Какой хитрой ловушкой в жизни является карьера. Казалось бы, поднимаясь по служебной лестнице, ты увеличиваешь свои доходы, власть, независимость, возможности... Карьера затягивает все круче, безогляднее, начинаешь прощать себе послушание, лесть, мелкие предательства, изнуряющие переработки. Идешь вверх, к вершине конуса, не замечая, что дорога «вверх по лестнице, ведущей вниз» становится все уже. Однажды и я попытался влезть на вершину конуса карьеры, к счастью, вовремя сообразив, что лезу не по внешней, а по внутренней поверхности, так что становится все теснее, все безжалостнее мнут мне бока, а узкое горлышко в вершине требует вообще превратиться в фарш. Речь идет об участии в выборах в Академию наук СССР. Сопоставив свой потенциал, авторитет в науке, публикации, заслуги с соответствующими показателями других претендентов и член-корреспондентов, я пришел к выводу, что имею необходимый «тройной перевес». Я даже имел некоторый опыт организации закулисной подготовки выборов, участвуя в организации прохождения своего научного полу-шефа Б.Н.Ласкорина в академики. Мне понравилась эта забавная «игра за чужой счет», и я погрузился в этот мир.

Это был удивительный мир, уникальный в Советском Союзе, в котором все другие выборы проходили без выбора. В АН СССР демократия была доведена до высшей стадии, когда каждый «голос» обрабатывался индивидуально, вполне интеллигентно покупался и продавался, но не за деньги, а по принципу «ты – мне, я – тебе». Разменной монетой служили зарубежные поездки, Государственные и Ленинские премии, чины, должности, а главное, «голоса» на тех же или будущих

выборах, а также личная преданность претендентов. За академическое звание ученые были готовы отдать все, поскольку воистину «ставка была больше, чем жизнь». Звание академика обеспечивало не только официально разрешенное материальное благополучие с квартирой, дачей, машиной, курортом, медициной и т.п., но также пожизненную индульгенцию от любых невзгод и корпоративную поддержку весьма влиятельных коллег.

Например, когда А.Д.Сахаров, получивший звание академика, четырежды «Героя», все возможные лауреатства и награды за создание водородной бомбы, занялся правозащитной деятельностью, ставшей серьезной опасностью для Политбюро КПСС, у него отняли все государственные награды, услали в ссылку, но звания академика отнять не смогли. Говорят, что когда главный идеолог страны Сулов потребовал у президента АН СССР Александрова выгнать Сахарова из академии, Президент сумел отстоять коллегу. Он сообщил Сулову, что известен только один случай лишения академического звания - Гитлер выгнал Альберта Эйнштейна из Германской Академии наук, как еврея. И Академия наук СССР потихоньку поддерживала опального правозащитника. Сработал корпоративный принцип и инстинкт самосохранения у творца будущей Чернобыльской аварии, на Сахарова Академия не отдала. И Александрова не тронули даже посмертно, как и других академиков с подмоченной репутацией – могильщика генетики Лысенко, кибернетики – Островитянова, марксистов-биографов Сталина: Митина, Варгу и др., включая почетного академика Молотова.

По аналогии с рассказом О. Генри «Дороги, которые мы выбираем», из которого вышла популярная фраза «Боливару не снести двоих», я даже однажды намекнул Ласкорину, что он, наверное, был бы разбойником, если бы не стал академиком. Сравнение имело под собой вполне реальную основу, поскольку, как я знал, академик вытаскивал из тюрьмы своего сына-вора через знакомых работников МВД, опекающих его сверхсекретное предприятие. Несмотря на свою значительную роль в атомной промышленности (он разрабатывал технологию и пускал производство всех заводов по извлечению, переработке и разделению урана), его избрание в академики тормозилось из-за роковой ссоры с академиком-секретарем отделения Жаворонковым. Когда-то Жаворонков благословил строительство и пуск целлюлозного комбината на берегу заповедного озера Байкал, демонстративно выпив стакан очищенной сточной воды. Когда же реальные стоки потекли во всемирно известный водоем, Ласкорин выступил с осуждением этого экологического безобразия. Жаворонков посчитал, что это выступление стоило ему избрания вице-президентом Академии. Мне неожиданно удалось провести переговоры и локализовать конфликт, благодаря тому, что мой приятель из Менделеевского Института дружил с зятем Жаворонкова. Ласкорин пообещал не претендовать на место академика-секретаря отделения и поддержать ставленника Жаворонкова Ягодина – ректора Института. Я еще через знакомую коллегу – дочь одного престарелого академика, заручился его «голосом». Когда Ласкорина избрали академиком, я удостоился комплимента, что я не только талантливый ученый, но и умный человек. В виде высшей степени благодарности он был согласен присмотреть за моей собакой на время моей командировки. Впрочем, отплатил даже дорожке – похлопотал за назначение меня заведующим лабораторией перед директором-антисемитом, и тот не смог ему отказать.

Неудержимый вал интриг, лести и торговли накатывался на Академию в преддверье выборов. Рассказывают, что химик Ениколопов свозил на отдых в Армению по одному все 13 своих выборщиков. Возможно, у физиков все было более объективно, поскольку отделением долгое время руководили настоящие ученые, но в известных мне отделениях, среди геологов, горняков, металлургов, химиков, экономистов, марксистов, предвыборная борьба велась методами, которые не могли себе представить даже американские конгрессмены. Победители не только получали «место у кормушки», но становились вроде бы вровень с Ландау, Капицей, Королевым. У них возникала иллюзия бессмертной славы и прижизненного всемогущества. Однако, перетрудившись на подступах к Олимпу, многие, взобравшись, испускали дух, как научный, так и жизненный. Я помню, как упал на выходе с очередного заседания и в 50 лет скончался мой приятель и конкурент на выборах член-корреспондент Володя Ревнивцев. Умер на полном ходу директор моего института академик Мельников. А ведь был многоопытный интриган, работавший сначала в промышленном аппарате Берии, ушедший в науку, став доктором наук, как только Берию свалили; пробившийся в член-корреспонденты, благодаря сохранившимся связям с КГБ, стал министром при Брежневе, затем академиком... Его восхождение напоминало цирковой трюк с переходом со ступеньки на ступеньку по двум параллельным лесенкам: административной и научной. Когда Хрущев выгнал Институт горного дела из Москвы за город, Мельников выгодно «продал» роскошное здание двум директорам-академикам за голоса на выборах. Суровая борьба между академиками часто продолжалась после выборов, несмотря на внешнюю респектабельность.

*За городом вырос печальный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, и каждый встречал
Другого надменной улыбкой. (Блок)*

Как только я понял, что не хочу потратить жизнь на вхождение в заманчивый мир «бессмертных» (как называют своих академиков французы), что цена для меня непосильна, мне стало легко и спокойно. Это как раз устраивало моего «друга» и коллегу Чантурию, который полез туда «во все тяжкие». Большого научного потенциала у него не было, зато он стал обхаживать престарелых обитателей академического мира и директора института. И добился своего – звания академика. Потом он получил инфаркт.

*Умрешь не на ходу, не в суете,
В таком почете, званиях и силе,
Что гроб твой вынесут с почтеньем даже те,
Которые тебя не выносили.*

Я не попал в этот мир, и, честно, не жалею. Судьба уберегла. Я набрал на тех выборах всего 13 голосов – меньше половины, необходимых для перехода во второй тур. Зато сохранил независимость. Ни к кому претензий не имею. Я считаю свое теперешнее положение счастливым. Независимость – это счастье. Я делаю, что хочу, то есть я пишу. Моему сегодняшнему состоянию очень подходят слова Сергея Есенина, написанные совсем по другому поводу.

*Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души малиновую цветь.*

*В саду горит огонь рябины красной,
Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.*

*И если время, ветром подметая,
Сгребет их все в один ненужный ком,
Скажите так, что роща золотая,
Отговорила милым языком.*

Мои стихи послабее, но зато мои.

Формула счастья

Спасибо, жизнь, за ласку и внимание.
Я баловень судьбы, я счастья друг:
Все было – и взаимопониманье,
И торжество признания заслуг.
Лишь первая любовь в душе проснулась,
Хоть для нее еще не вышел
срок,
Но было счастье: ты мне улыбнулась
И согласилась – завтра на каток.
Чего мне надо, и не знал я точно,
Всегда хотел чего-нибудь еще.
Вот было счастье – маленькая дочка
Доверчиво уткнулась мне в плечо.
Я пробирался берегом Байкала,
Я видел Ниагары буйный вид,
Парящий в небе купол Тадж-Махала
И пыльный зной в долине пирамид.
Не все дано познать, и может случиться
Такое счастье, что не знали мы
Шальной удачи реабилитации
И выхода на волю из тюрьмы.
Но наступает время оголтелое,
Когда не помня горя и обид,
Ты снова жив, и есть душа и тело,
И это счастье..., если не болит.